

В.В. Марушевский

ГОД НА СЕВЕРЕ

Записки командующего войсками Северной области

• ОКАЯННЫЕ ДНИ •

Окаянные дни (Вече)

Владимир Марушевский
**Год на Севере. Записки
командующего войсками
Северной области**

«ВЕЧЕ»

2019

Марушевский В. В.

Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области
/ В. В. Марушевский — «ВЕЧЕ», 2019 — (Окаянные дни (Вече))

ISBN 978-5-4484-8074-4

Воспоминания генерал-лейтенанта В.В. Марушевского рассказывают о противостоянии на самом малоизвестном фронте Гражданской войны в России. Будучи одним из создателей армии Северной области, генерал Марушевский прекрасно описал все ее проблемы, а также боестолкновения с большевиками. Большое внимание автор уделяет и взаимодействию с интервентами, и взаимоотношениям с подчиненными.

ISBN 978-5-4484-8074-4

© Марушевский В. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Сведения об авторе	5
1918 г	7
I. Стокгольм	7
II. Мурманск	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Марушевский

Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области

Сведения об авторе

Владимир Владимирович Марушевский родился 12 июля (ст. ст.) 1874 г. в Петергофе. Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Образование получил в 6-й санкт-петербургской классической гимназии, которую окончил в 1892 г. На военную службу поступил в 1893 г. и был зачислен в Николаевское инженерное училище. Из училища выпущен подпоручиком в 1-й саперный батальон в 1896 г., затем служил в 18-м саперном батальоне. В 1898 г. произведен в поручики. Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени в 1899 г. В 1902 г. окончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в штабс-капитаны. В октябре 1902 г. – феврале 1904 г. отбывал цензовое командование ротой в 145-м пехотном Новочеркасском полку. С 1904 г. капитан. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С февраля 1904 г. – обер-офицер для особых поручений при штабе 4-го Сибирского армейского корпуса, с декабря – помощник старшего адъютанта. С августа 1905 г. – адъютант управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. За Русско-японскую войну имел награды: ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (29.03.1905); Св. Станислава 2-й степени с мечами (10.07.1905); Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (30.07.1905); Св. Анны 4-й степени (21.11.1905); Св. Анны 2-й степени с мечами (11.12.1905) и Золотое оружие (1905).

С декабря 1905 г. – помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, с января 1908 г. – штаб-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а с января 1910 г. – старший адъютант того же штаба. Некоторое время читал лекции по тактике пехоты в Николаевской академии Генерального штаба. В апреле 1908 г. произведен в подполковники. С декабря 1911 г. полковник.

С мая по сентябрь 1913 г. отбывал цензовое командование батальоном в 7-м Финляндском стрелковом полку. С декабря 1913 г. начальник штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады, с которой вышел на Первую мировую войну. С июня 1915 г. командир 7-го Финляндского стрелкового полка. С декабря 1915 г. генерал-майор. Летом 1916 г. назначен командиром 3-й Особой пехотной бригады (Русский экспедиционный корпус во Франции). В мае 1917 г. был назначен командиром 1-й Особой пехотной дивизии. По причине разложения дивизии сдал командование и отбыл в Россию.

В Петрограде зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. С 26 сентября (ст. ст.) 1917 г. – исполняющий должность начальника Генерального штаба. За участие в Первой мировой войне имел награды: ордена Св. Владимира 3-й степени с мечами (31.12.1914); Св. Георгия 4-й степени (21.03.1915); Св. Станислава 1-й степени с мечами (21.07.1916); мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й степени (27.10.1916); Св. Анны 1-й степени с мечами (16.08.1917); французский Командорский крест ордена Почетного легиона (13.01.1917); французский Военный крест с двумя пальмовыми ветвями (01.1917; 05.1917). В октябре 1917 г. арестован большевиками. Освобожден в декабре 1917 г. и эмигрировал в Финляндию, затем в Швецию.

В ноябре 1918 г. прибыл в Архангельск и назначен командующим войсками Северной области. Совмещал должности члена Временного правительства Северной области, генерал-губернатора, заведующего отделами внутренних дел, путей сообщения, почт и телегра-

фов. В январе 1919 г. он передал обязанности генерал-губернатора генералу Е.К. Миллеру, но сохранил пост командующего армией. 18 апреля 1919 г. награжден орденом Белого Орла. В мае 1919 г. Марушевский был произведен в генерал-лейтенанты. Летом 1919 г. вел переговоры с К.Г. Маннергеймом о военном сотрудничестве Финляндии и российской Северной области, но в августе ушел в отставку с поста командующего и выехал в Швецию. В октябре 1920 г. в качестве военного представителя Главнокомандующего Русской армией П.Н. Врангеля был аккредитован при французской военной миссии в Венгрии. В июле 1921 г. выехал во Францию. Позднее переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Работал помощником атташе французского посольства в Загребе. Член Союза русских писателей и журналистов в Югославии. В 1935 г. принял французское гражданство.

Публикуемые воспоминания Марушевского были впервые напечатаны в сборнике «Белое дело». Скончался Владимир Марушевский до 24.02.1951 г. в Загребе (Югославия).

1918 г

I. Стокгольм

В яркий августовский день 1918 года я по длинным деревянным мосткам перешел шведскую границу у Гапаранды. Сзади остался финский часовой в серой кепке, впереди уже виднелся нарядный швед в живописной треуголке эпохи Карла XII.

За мною осталась эпоха большевистского переворота, заставшая меня на посту начальника Генерального штаба, остался ряд переживаний в Финляндии в 1918 году, в период кровавой борьбы белой армии Маннергейма.

Впереди были полная неизвестность, надежды на возможность борьбы, и горячая решимость, и жажда как можно скорее выйти из томительного пассивного ожидания, на которое я был обречен в Финляндии.

Вот чистенькая Гапаранда. Еще раз скучные подробности таможенного досмотра, проверка паспорта – и я свободен. Свободен в полном смысле этого слова.

Как хорошо было сознавать, что ждут и друзья, и горячее дело.

Сижу на скамейке у полотна железной дороги. Незнакомый благообразный господин долго ходит около меня и моей жены и наконец заговаривает. Рекомендуются французским консулом. Слава богу! Наконец-то можно поговорить с друзьями. В Гельсингфорсе мне приходилось ходить к английскому консулу лишь ночью. Немецкая диктатура висела над нами, того и гляди вышлют к большевикам без всяких разговоров и расследований.

Мы разговорились. До поезда еще долго. Я получил приглашение зайти в бюро консула. Все стены в портретах и иллюстрациях событий на театре войны.

Тут и Петэн, и Гуро, и маршал Фош... Испытываю чувство узника, выпущенного из заключения и добравшегося до родного угла.

С жадностью хватаю каждое слово и наконец-то получаю истинное освещение событий на фронте, начинаю прозревать обстановку.

В Финляндии в течение полугода мы питались явно ложными сведениями из немецких источников. Правду приходилось угадывать.

Но вот и поезд. Мчимся в Стокгольм. К этому скандинавскому Парижу мы подъезжали в серенькое, пасмурное утро.

Я люблю Стокгольм. Мне приходилось бывать здесь еще и в доброе старое время. Я не знаю города, равного Стокгольму по красоте, удобству жизни и гигиене.

Это – сплошь сад, цветущий до самой глубокой осени. Окрестности Стокгольма по красоте изумительны. Любовь к садоводству превратила все окружающие город леса в красивейшие в Европе сады и парки.

Громадное большинство жителей Центральной Европы не знают Швеции и не имеют понятия об этой высокой культуре всей без исключения страны, культуре, поражающей глаз даже в самых отдаленных захолустьях.

На этот раз я застал Стокгольм уже в золотом осеннем убранстве. Тот же голубой залив со стаями белоснежных чаек; те же строгие громады дворцов на набережной залива.

Подъезжая к вокзалу, я уже издали различил знакомые облики князя С.К. Белосельского-Белозерского и Б.В. Романова, вышедших мне навстречу.

С князем С.К. меня связывали отношения, создавшиеся еще в Петрограде по моей службе в штабе войск гвардии, и наше отсиживание в Финляндии.

С Б.В. Романовым мы сошлись в моем же штабе 3-й Русской бригады во Франции, где он был одним из адъютантов.

Прямо с вокзала я попал в пансион «Cosmopolite», на Skepparegatan, т. е. на одной из улиц в непосредственной близости от залива.

Б.В. Романов устроил нам с женою две комнаты в этом пансионе. Мы платили в 1918 г. лишь по 10 крон с человека.

Это было тогда дешево, но и в достаточной мере голодно.

Подумать только, что самое среднее по качеству масло выписывалось из Дании и в Стокгольме считалось лакомством. Хлеб был по карточкам, жиров никаких в продаже не было. Короче говоря, Швеция в то время, поделившись последним куском с Германией, сама попала на голодное положение.

Наскоро устроившись, я уже в тот же день был готов бежать, узнавать, расспрашивать – одним словом, немедленно, сейчас же начинать работу, по которой стосковался за длинный период вынужденного сидения в Финляндии.

Здесь мне приходится подойти к труднейшей части каждого «мемуаров», а именно: коснуться личных переживаний. Описание собственных идей, мыслей и личных переживаний всегда понижает ценность «воспоминаний», но в данном случае я все же решаюсь отдать несколько строк своим размышлениям. Мне хотелось бы объяснить всю ту сложную гамму чувств, противоречий и компромиссов, которую должен был пережить в то время каждый рядовой офицер, каковым я всегда считал себя; рядовой офицер, т. е. именно то основание, тот фундамент, на котором и выросло Белое движение во всех его разновидностях по различным окраинам России.

Я всегда учил и на академической кафедре, и во многих специальных военных школах, что государство получает офицера не с помощью каких-либо прочитанных курсов или учебников, но лишь путем длительного воспитания, которое начинается с корпуса или – минимум – училища и заканчивается в полковой семье той части, где офицер делает свои первые служебные шаги.

Наша стройная система военно-учебных заведений, теперь уже отошедшая в область минувшего, делала всех нас более или менее из одного теста. Я поэтому думаю, что, вспоминая свои мучения с первых дней революции, я отражу в своих заметках настроения главной массы офицерства эпохи 1917–1918 годов. Я указываю эту эпоху потому, что потом монолитная масса офицерского корпуса разбилась по политическим партиям, раскололась в своих верованиях и симпатиях и потеряла свою общую физиономию.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что мартовская революция меня совершенно выбросила из колеи.

Вся моя жизнь была положена на изучение моего специального дела, я никогда не занимался социальными вопросами и был совершенно не подготовлен к роли митингового оратора, на каковую печальной памяти Временное правительство обрекло всех начальников.

В мирное время – после отречения государя императора – я просто ушел бы в отставку. В военное время я не мог сделать этого благодаря целой серии традиций, привычек, верований – короче, благодаря всему тому, что вкоренило в меня то специальное воспитание, о котором я упомянул выше.

Разлагающие приказы Временного правительства, направленные специально против офицерского корпуса – в течение всего нескольких дней – совершенно подорвали авторитет этого правительства в наших глазах. Долг слепо повиноваться этой власти, влекущей армию в пропасть, исчез. Оставалось одно – отдать все силы на выполнение последнего завета царя – «война до победного конца».

Отчаявшись сделать что-либо на французском фронте, где меня застала революция, я бросился в Россию.

Назначенный начальником Генерального штаба, я быстро понял полную невозможность сделать что-либо для войны и быстро докатился до ареста в Смольном и до ворот тюрьмы «Кресты».

После длинного сидения в Финляндии почти что в положении военнопленного я, наконец, в августе 1918 года вырвался в Стокгольм.

Раз на свободе – я снова был полон желанием быть верным своим обязательству и долгу и драться, драться до конца.

Именно с этого момента, т. е. с прибытия моего в Стокгольм, для меня началась новая сложная драма в смысле искания прямых путей, по которым я ходил всю мою жизнь и по которым, конечно, хотел дойти и до гробовой доски.

Русское общество в Стокгольме, не связанное никакими правительственными авторитетами и отошедшей верховной властью, распалось на группы, влекомые своими собственными политическими идеалами. Тут играл роль и просто честный взгляд на вещи, и политический оппортунизм, и политиканство, и даже просто шкурничество.

В Стокгольме я сразу окунулся в борьбу народившегося уже германофильства с выходящими уже из моды принципами верности союзникам.

У меня, слава богу, сомнений не было, и я твердою стопой пошел по той дороге, которую считал путем чести и верности данному слову.

Теперь снова перехожу к тому, что «глаза мои видели», и возвращаюсь к первым дням моего пребывания в Швеции. Первым моим визитом было, конечно, посещение российского посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича.

Первое впечатление было чарующее. Константин Николаевич не только принял меня как соотечественника довольно высокого ранга, но и вошел в мое положение, поддержав меня материально, как борца за правые идеи. Глубокообразованный, культурный в самом высоком смысле этого слова, Константин Николаевич завоевывал к себе симпатии сразу своей утонченной вежливостью, ласковостью и вниманием к каждому высказываемому ему мнению.

От него первого я получил и те сведения, которые ориентировали меня о положении в Сибири, на юге России и на далеком Севере.

Неприятною для меня черточкой в К.Н. Гулькевиче было его несколько сдержанное отношение к союзным представительствам в Стокгольме. Он не был близок ни к французскому, ни к английскому представителям. Ближе других к нему были, пожалуй, японцы.

Столь же сдержанным было отношение и союзных представителей к К.Н. Гулькевичу. По всему тому, что я наблюдал в то время, и французы, и англичане просто относились с недоверием к своему русскому собрату.

Конечно, в германофильствующей Швеции положение русского посланника могло быть по меньшей мере сложным. Но все же я должен сказать, что осенью 1918 года, т. е. в ту эпоху, когда вся ставка северного и южного движения опиралась на помощь французов и англичан, изолированное положение русской миссии в Стокгольме было выше моего понимания.

Военного агента полковника Д.Л. Кандаурова я знал как офицера Генерального штаба очень давно. Д.Л. Кандауров был назначен в Швецию еще до войны. Он безупречно знал страну и прекрасно владел местным языком. При моем приезде в страну Дмитрий Леонтьевич отнесся ко мне как к своему начальнику Генерального штаба и предоставил мне все свои обширные сведения как по местной обстановке, так и по всему тому, что происходило в соседних сопредельных странах.

Полковник Кандауров тоже не был в тесной связи с французами. Объяснялось это тем, что вновь назначенный французский военный атташе не сделал Кандаурову визита, подчеркивая этим непризнание в лице Дмитрия Леонтьевича права на представительство русских интересов.

Повторяю, положение миссии было не из легких. Русский флаг на Strand-Wegen не вывешивался вплоть до дня образования Сибирского правительства.

Совершенно особое положение занимал в миссии военно-морской агент, капитан 2-го ранга Сташевский.

Участвуя, говорили мне, в каких-то угольных немецких предприятиях на Шпицбергене, Сташевский занимал какое-то экстерриториальное положение в миссии и вел энергичную пропаганду в офицерской среде против отправок военнослужащих в формирующиеся армии. Я не занимался поведением Сташевского в то время, но у меня было впечатление, что Сташевский не чужд был красному большевистскому флоту, а во всяком случае был в связи с морскими кругами большевистского Петрограда. Трудно разбираться в этом и теперь, но я пишу все это, чтобы запечатлеть ту пеструю картину, которую представляли собою официальные русские сферы, и чтобы снова отметить те невероятно сложные обстоятельства, в которых находился каждый вновь приехавший в Стокгольм, выскочивший из большевистского или из финляндского плена.

Если русская миссия представляла из себя что-то уже несколько распавшееся, то русская колония являлась уже не только не целым организмом, но случайным сборищем людей всех состояний, верований и направлений.

Яркую картину этого русского разложения можно было наблюдать в «Гранд-отеле».

Грандиозная гостиница сверхъевропейского масштаба без труда давала приют этим приезжающим или уезжающим толпам русских или бывших русских, т. е. финнов, эстонцев, украинцев и других народившихся национальностей.

Там я встретился и с рядом союзных представителей, пробиравшихся из России на родину.

Интересную картину представлял собою зимний сад, столовая и кафе «Гранд-отеля». Были там и большевики в безукоризненных фраках, и крупные русские бары, уцелевшие от резни, толпы несчастных изголодавшихся людей, служивших разведкам государств всего мира. И спекуляция. Знаменитый Д. Рубинштейн плавал как рыба в воде. Вся шайка «валютчиков», которую я в свое время наблюдал в Гельсингфорсе, непрерывно курсировала между Финляндией, Стокгольмом и Ревелем. Визы, даваемые с таким трудом порядочным людям, для этих, так сказать, «финансистов» не существовали.

Одновременно с этим в стокгольмском Лувре – «Nordiska» – распродалась по партиям обстановка наших дворцов и крупных собственников. Антиквары заваливались драгоценным фарфором и бронзой, редкостные экземпляры старины стали дешевой.

На этом фоне Стокгольм вырисовывался громадным рынком спекулятивно-политического характера. Люди терялись, заблуждались и в конце концов покупались той или иной политиканствующей и спекулировавшей группой.

Попутно не могу не отметить еще одной спекуляции, совершенно специального характера. Это торговля нашими судами Морского ведомства. Суда эти прибывали в стокгольмский рейд под разными фантастическими флагами, чаще всего украинскими, и продавались всякому, кто рисковал иметь дело с этого рода дельцами. Имея в виду чисто уголовный характер этих предприятий, я не хочу вспоминать имен тех лиц, которых я встретил на этом поприще.

Да! Картина была невеселая. Но вместе с тем я не могу и сравнивать этого времени с тем, которое приходится переживать теперь. Тогда были надежды, энергия, вера в скорый конец мучений. Кипела Сибирь, крестный путь Добровольческой армии уже обратился в победное шествие, завязывалась борьба на далеком Севере, на Западном фронте Великой войны происходила борьба «за последнюю четверть часа», в которой берет верх наиболее стойкий, наиболее могучий. Теперь то время больших сомнений, больших переживаний кажется, конечно, более привлекательным, чем уже устоявшаяся серенькая действительность.

Ознакомившись с обстановкой через К.Н. Гулькевича и Д.Л. Кандаурова, я сделал визит французскому посланнику Тьебо.

Французское посольство помещалось в одном доме с австрийским консульством. В разгар войны и принимая во внимание связь большевиков с нашими противниками, мне приходилось эти визиты обставлять осторожностью. Уже в первые дни моего пребывания в Стокгольме в петроградских газетах появились статьи, что я формирую в Швеции какие-то 12 батальонов. И, боже мой, как меня ругали в этих газетах. Большой мой друг г-жа В., бывшая в то время в России, даже затруднялась потом передать мне те выражения, которыми большевики выражали свое в отношении меня негодование.

Тьебо принял меня с свойственной своей нации любезностью и с полным доверием. Я обязан ему своею осведомленностью в положении дел на окраинах и, думаю я, может быть, и моим вызовом в Архангельск.

Уже в то время, т. е. в начале сентября 1918 года, определилось два направления, куда можно было устремиться, – Север и Юг.

К.Н. Гулькевич придавал большее значение Югу и советовал мне выжидать, предсказывая более широкий масштаб действий южных армий.

Я охотно выжидал, надеясь, что обо мне вспомнят и «позовут».

Ждать в Стокгольме было нетрудно. В короткое время после приезда я познакомился с союзными дипломатическими миссиями, был в курсе всех грандиозных событий Западного фронта и мог заранее обдумать тот шаг, который надлежало так или иначе сделать в ближайшем будущем.

Я сработал в это время меморандум по оценке всех русских борющихся политических партий, в котором настаивал на активной и немедленной помощи союзников в деле изгнания большевиков и восстановления порядка в России. Я доказывал, что малейшее запоздание укрепит большевистскую власть на несколько лет и что в этом случае Франция бесповоротно потеряет Россию как союзницу. По моей работе, как начальнику Генерального штаба, мне уже тогда была ясна и определена связь большевиков с немецкими военно-политическими организациями, и я не сомневался, что в течение ближайших лет Россия может обратиться в германскую колонию.

В этом же меморандуме я с грустью отмечал рост германофильского движения в русской зарубежной среде и предостерегал, какое губительное влияние окажет это движение на все последующие события в отношении России при заключении мира.

К великому сожалению, этот период был отмечен большой национальной работой лишь левых партий и, главным образом, эсеров, шедших по пути честного продолжения борьбы до конца. Едва зародившиеся, вернее, сплотившиеся, правые группы сразу стали склоняться в сторону совершенно определенных сношений с тогда еще не рухнувшей монархической Германией.

Эта тенденция надолго укрепила недоверие союзников к правым группам вообще и отразилась на всей последующей работе правых в более поздние времена.

Я знаю, что моя работа, переданная г. Тьебо, была переведена на французский и английский языки и разослана тем лицам, которые работали в связи с русскими политическими организациями.

В конце сентября я получил через русскую миссию телеграмму от Н.И. Звегинцева, работавшего против большевиков на Мурмане.

Телеграмма эта гласила примерно следующее:

«Случайно узнал, что вы находитесь в Стокгольме. Рад был бы совместно работать на Севере». Помнится еще два-три слова в патриотическом духе.

Я знал Николая Ивановича Звегинцева блестящим командиром эскадрона лейб-гвардии Гусарского его величества полка. Знал я понаслышке, что еще в первые месяцы после революции он уехал на дальний Север на рыбные промыслы.

В бытность мою в Финляндии мне было известно, что Мурманский Совет рабочих (Совдеп), возмущенный позором Брест-Литовского договора, отложился от Москвы. Роль Звегинцева мне не была ясна. Я послал ему телеграмму, прося его дать мне сведения о себе и о положении на Мурмане.

В сущности говоря, в Стокгольме о Севере никто ничего толком не знал. Имелись лишь весьма неопределенные сведения о занятии Архангельска союзниками, силы коих хранились в глубокой тайне.

Тайна эта является понятной, если учесть, что война в этот период была в полном разгаре и никто не предполагал, что перемирие и победа столь близки.

Примерно в половине октября я получил через нашу миссию новую телеграмму с Севера. На этот раз она была подписана Нулансом, французским послом в России. Нуланс в кратких словах приглашал меня прибыть в Архангельск для военной работы.

Никаких подробностей, никаких пояснений мне не могли дать ни г. Тьебо, ни английская военная миссия. Последняя к тому же весьма сдержанно относилась к моему приглашению, сделанному французами, в то время как командующим союзными силами на Севере был генерал Королевской британской армии Пуль.

Тем не менее я принял решение и ответил, что выезжаю в кратчайший срок, после самых необходимых сборов.

Немного спустя в британской миссии также получили телеграмму, подписанную Пулем, с приглашением меня прибыть на Север, где нуждаются в моих силах для организации армии.

После этого «завеса» была несколько приоткрыта, и я лишь кое-что узнал о том, что происходит в Архангельске.

Положение рисовалось так: в самом начале августа эскадра, состоящая главным образом из английских судов, вошла в Северную Двину и высадила в Архангельске десант. Еще до прибытия эскадры большевики бежали, и в Архангельске совершился давно уже подготовляемый переворот. В результате переворота образовалось Северное правительство, возглавляемое Н.В. Чайковским.

Все остальное было в большом тумане. В русских кругах про Чайковского говорили разное, утверждали, что он участвовал в убийстве императора Александра II, что он и до сих пор является представителем крайних левых течений.

Далее шли упорные слухи о бесконтрольном хозяйничании англичан на Севере, о беспорядках во вновь формируемых русских войсках, о полном хаосе в администрации в Северной области.

Решившись на отъезд, я горячо принялся за работу по организации всего того, что могло сосредоточить на Севере необходимый офицерский состав, бедствовавший в Стокгольме в условиях беженства.

В отношении возможностей отправки офицеров и обеспечения их семей мне оказал полную поддержку К.Н. Гулькевич, который немедленно выделил из имеющихся в его распоряжении казенных денег 100 тысяч шведских крон на образование первоначального фонда.

Для заведывания этим делом мною была образована комиссия, под председательством вызванного мною из Финляндии полковника М.Н. Архипова, высоко мною почитаемого за его доблестную, известную мне службу в финляндских стрелковых бригадах. Бесконечно нуждаюсь в сотрудничестве М.Н. Архипова на Севере, я тем не менее решил временно оставить его в Стокгольме для налаживания отправки военнослужащих и борьбы с пропагандой большевиков, распространявших о Севере самые нелепые, но вместе с тем упорные слухи.

С этой минуты начинается новая для меня душевная драма. Уже потрясенный отношением офицерского состава к революции на французском фронте, здесь, в Стокгольме, я испытывал новое глубокое разочарование. Я все еще наивно верил, что каждый из нас обязан продолжать войну и должен ехать туда, где ему открывается возможность встать в ряды войск.

Осенью 1918 года офицерство было уже до такой степени издергано, разочаровано и разложено, что на мои призывы ехать отзывались весьма немногие. Из Финляндии были почти что ежедневно приезды, но в северные войска записывались весьма немногие и чаще всего неохотно. Надо еще прибавить, что в Стокгольме появились какие-то темные, сомнительные личности, установить и проверить документы коих не было никакой возможности. Комиссии моей приходилось чаще всего действовать по внутреннему убеждению, что, конечно, заранее предreshало возможность ошибок и недоразумений.

Устроив мои личные дела, я пригласил Б.В. Романова ехать со мною, обещав ему устройство в области если не по военной части, то, во всяком случае, в гражданской администрации.

Я был бесконечно обрадован его согласием. Тяжело было трогаться в далекий путь, в совершенно неизвестные условия – одному. Да и работа предвиделась не из легких, и нужно было иметь около себя человека, которому веришь и с которым можно совершенно откровенно поделиться сомнениями и посоветоваться.

Сборы недолгие. Несложный багаж уложен, не забыты шахматы на дорогу и два литра коньяку, добытые с превеликим трудом в трезвой Швеции.

31 октября, в серый тихий осенний день, я был уже на вокзале.

Несколько рукопожатий немногим друзьям, моя жена, остающаяся без близких в незнакомой стране, – и поезд понес меня по Лапландии, не то на новые приключения, не то на подвиг, не то на авантюру.

Путешествие, даже и по прекрасной Швеции, в октябре невесело. От Бодена и до Нарвика природа хотя и величественная, но мрачная. День короткий, и чем дальше к северу, тем мрачнее. Я не хочу останавливаться на подробностях путешествия. Скажу лишь, что из Нарвика надо уже идти фьордами сначала на маленьком и скверном пароходе, потом где-то ночью ждать большого парохода на довольно скверной пристани, на холоде и на дожде. На этой же скверной пристани, где я сидел на тумбе, завернувшись в непромокашку, рядом со мною стоял гроб, ожидающий перевозки тоже куда-то к северу. И без того мрачно на душе, а тут еще и это соседство.

Наконец, пересадка на большой, чистый, удобный норвежский пароход и многодневный переход через Тромсе и Гаммерфест в Варде, мимо Нордкапа.

Поздней осенью даже дивные норвежские фьорды не весьма привлекательны. Серое море, скалы покрыты снегом, покачивает, пассажиры даже страдают немножко. Мы с Б.В. Романовым не терпели от качки, исправно питались вполне хорошим столом в кают-компании и без конца играли в шахматы.

Помню небольшую прогулку по Тромсе, чистенькому приморскому городишку, и посещение Гаммерфеста для отправки писем назад.

Чуть не в полдень – в Гаммерфесте была темнейшая ночь. Лишь красные полосы на небе в стороне заката. Отвратительное впечатление. Все эти городки после Тромсе пропитаны еще зловонием от массы рыбных внутренностей, которые после приготовления трески к сушке выбрасываются и растаскиваются чайками.

В темноте подошли к Варде и, спотыкаясь во мраке, добрались до главной гостиницы. Номер в пятом этаже, ветер воет и стучит ставнями, освещение хотя и электрическое, но более чем скромное. Впечатление не из бодрящих.

Так сказать, архангельские встречи начались еще с Тромсе. Там на пароходе сел капитан 2-го ранга Бескровный, наш военно-морской агент в Копенгагене. Как я узнал с его слов, он ездил по своим делам в Копенгаген, а теперь возвращался к месту своей службы, которая

оказалась довольно мудреной для моего тогдашнего понимания. Бескровный служил в «гражданском управлении при британском командовании». Управление это было создано генералом Пулем и вскоре после моего приезда расформировалось... но об этом скажу позже.

Бескровный, со свойственной ему толковостью и неменьшей осведомленностью, рассказал о всех затруднениях в формировании русских войск в области и выразил предположение, что я вызван, чтобы взять войска в свои руки, а вернее всего, и принять должность генерал-губернатора.

Там же на пароходе я познакомился с графом Мериндолом, корреспондентом «Морнинг пост». Мериндоль специализировался на русском Белом движении, был, по существу, сам русским человеком по своей педагогической службе в лицее и Смольном институте, обожал Россию и ненавидел большевиков.

Кроме того, я встретился в пути с небольшой группой архангельских коммерсантов, которые мне рассказали несколько эпизодов из местной жизни уже во время английской оккупации. Я говорю – английской, так как о других нациях как-то и слышно не было, да и главное командование и управление было в английских руках.

В Варде я прежде всего познакомился с русским консулом, господином Янсоном, встречавшим прибывших и любезно оказавшим свое содействие в отношении помещения нас в гостинице.

В этой гостинице постоянно жили и французский, и английский консулы, и Янсон. Квартир в крошечном Барде не было. Питались все за общим табльдотом. Если принять во внимание зимнюю темноту, отсутствие общества и развлечений, сложную политическую обстановку и массу предлогов для маленьких столкновений и ссор, то легко понять, что эти люди, загнанные на край света, ненавидели друг друга. В особенности отличался Янсон. Весьма толковый, очень осведомленный, он относился с болезненной критикой к английскому контролю, в лапы которого мы попали.

Я думаю, что многое станет понятным, если я упомяну, что, например, группа русских предпринимателей не могла отправить из Варде партию картофеля для Мурманска.

Английский консул не давал разрешения, ссылаясь на какой-то фантастический «грибок» в этом продукте, а Янсон бесился и ничего не мог сделать. Разговоры за табльдотом в смысле остроты и напряженности положения не поддаются описанию.

Я с глубоким огорчением думал о том, что каждый военный служащий, едущий в Северную армию, будет пропускаться через это горнило неблагоприятных слухов, дразг и ссор. Прожили мы в этой обстановке дня три-четыре, ожидая парохода в Мурманск. Задержки были с погрузкой. Надо было отправить какие-то деревянные части для строящихся барачных корпусов. Здесь опять после долгого промежутка времени пришлось встретиться с «завоеванием революции». Весь груз, валявшийся на пристани, норвежские мальчишки, работающие на всех пристанях нашего пути, погрузили бы, работая втроем-вчетвером, часов в пять времени. Большая русская команда крупного морского парохода не могла управиться с этими пустяками чуть ли не неделю.

Пароход, имени которого я не помню, был в большом беспорядке. Пресной воды в умывальниках не было. Грязь всюду невылазная. Команда находилась в состоянии непрерывной ругани с капитаном и его помощником. Питаться на пароходе надо было собственным попечением, горячую воду добывать с трудом и с крепкими словами, спать с клопами и тараканами. Наконец, после разных недоразумений, опозданий, порч разных частей машины, мы все-таки пошли и, слава богу, без всяких аварий добрались до знаменитого незамерзающего Мурманского порта.

II. Мурманск

Я проспал на нашем пароходе довольно долго. Когда, одевшись, я вышел на палубу, то был поражен красотой развернувшейся передо мною картины. В это ноябрьское утро в Мурманске, как редкий случай, была солнечная погода. Величественный, может быть, чуть не первый в мире незамерзающий рейд, способный вместить флоты чуть ли не всей Европы, окружен покрытыми снегом горами. У подножия гор на восточной стороне лепится городок, кажущийся издали даже красивым. Убожество деревянных построек издали не замечается. Грязи и хлама, в изобилии валяющегося повсюду, не видно.

Этому уголку предстоит большая будущность. Во время моей работы по должности генерал-губернатора мне не раз приходилось держать в руках план разбивки Мурманска, составленный еще во время проектирования постройки железной дороги, соединяющей этот порт с Петроградом. Разбивка города была спроектирована какою-то большою знаменитостью по этой части в Европе, и первые постройки были поставлены в строгом соответствии с этой разбивкой. Вдумываясь в этот план и зная лично местность и природу, я всегда видел перед собою грандиозный порт, обслуживающий всю Россию, и развернувшийся около него на обоих берегах бухты богатый, красивый город, залитый электричеством, изобилующий отелями, дворцами, кишасший сотнями тысяч жителей. Это будет. В торговом отношении Мурманск будет играть гораздо более важную роль, чем Владивосток, еще 50 лет тому назад представлявший собою ничтожную деревню.

Долго не удавалось причалить, но вот, наконец, затрещали сваи и доски пристани, застонала обшивка нашего парохода, и мы у цели.

На берег не пускают. Тут и английский контроль, и собственная портовая полиция, и еще какие-то власти.

С большим трудом мне удалось послать записку Звегинцеву. Николай Иванович сам пришел на пароход, вызволил меня из моего плена и увел к себе в вагон, в котором он жил вместе с капитаном 2-го ранга Веселаго.

Я рад был попасть прежде всего к нему и от него лично узнать всю ту действительность, до которой нельзя было добраться ни в Стокгольме, ни в пути.

История Николая Ивановича Звегинцева глубоко поучительна.

Генерал Звегинцев, прибывший в Мурманск в качестве частного человека, искавшего просто средств к жизни, принял не только деятельное участие во всей эволюции края, но и был вдохновителем и руководителем всей реконструкции власти и призвания союзников.

Организация заговора, поднятие национального чувства в членах совета, наконец, решимость этого совета порвать с Москвою и войти в соглашение с союзной эскадрой на рейде – все это было внушено, разработано и сделано Звегинцевым и капитаном 2-го ранга Веселаго, причем оба они не раз в переговорах с большевиками проходили по касательной – к «стенке».

Переворот совершился. Союзниками был спущен какой-то ничтожный десант, и Совдеп, красный по существу, остался тем же красным Совдепом, но с ориентацией на порицание брестского позора и объявленной верностью союзникам.

Вот почему красные финны, бежавшие из Финляндии при оккупации таковой немцами и финскими егерскими батальонами, сформированными в Германии, нашли себе приют в Мурманском крае и были использованы как активная сила против агрессивных замыслов Финляндии, подпертой немецкими оккупационными войсками.

Генерал Звегинцев, работая все время рука об руку с представителями местной власти, по-прежнему красной, добился возможности мобилизации и русских формирований. Ясно, что эти войсковые части не могли лепиться по образцу старой императорской армии, но ведь надо было делать что-то для организации обороны края. Как Звегинцев, так и Веселаго, все

время сдвигая общественное мнение вправо, тем не менее должны были время от времени идти на уступки и компромиссы с левыми.

Я совершенно ясно отдаю себе отчет во всей трудности этих, скажу, подвигов. Нетрудно в революции выждать и затем садиться на готовое. Куда труднее, опаснее и невыгоднее вот эта подготовительная работа, которая всегда приводит всех ее участников к трагическому концу.

С созданием в Архангельске Северного правительства, власть которого распространялась и на Мурманский край – в этом последнем был произведен фактически второй переворот, так как Совдеп в конце концов был упразднен и власть в крае вручена В.В. Ермолову, который, собственно, и являлся генерал-губернатором.

Ясно, что положение Звегинцева и Веселаго, бывших все время в рабочей связи с прежним Совдепом, стало очень трудным.

Вот именно этого-то и не могут понять многие представители реакционных течений. И Звегинцев, и Веселаго, я считаю, сделали в крае больше, чем все те, которые работали после и не удержали края в руках. А между тем от несправедливых нападков справа не мог спасти их ни я, ни покушения левых, в одном из которых Веселаго получил, кажется, 16 ран. Местная следственная комиссия, между прочим, утверждала, что это покушение было подстроено самим же Веселаго, для самореабилитации. Достаточно сказать, что взрывом бомбы был разнесен целый угол домика, в котором жил Веселаго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.